

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH221186-197>

Исследовательская статья

Тлепцок Руслан Асланович
доктор исторических наук, профессор
РГАУ-МСХА имени К.А. Тимирязева
but102@yandex.ru

П.-П.Г. ПРЖЕЦЛАВСКИЙ О НАРОДАХ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА: ФОРМИРОВАНИЕ ВЗГЛЯДОВ И УРОВЕНЬ ИНФОРМАТИВНОСТИ

Аннотация. Статья представляет собой источниковедческий анализ публицистического и этнографического наследия кадрового военного П.-П.Г. Пржецлавского, чьи труды являются репрезентативным историческим источником по периоду инкорпорации Северного Кавказа в российскую имперскую систему. На основе комплексного изучения его работ, включая очерк «Дагестан, его нравы и обычаи» и дневниковые записи периода службы приставом при имаме Шамиле в г. Калуга, автор приходит к выводу о двойственной природе этого наследия. С одной стороны, выявлена значительная информативная ценность трудов П.-П.Г. Пржецлавского. Его подробные описания административного устройства, хозяйственной деятельности (террасное земледелие, скотоводство, кустарные промыслы), статистические данные, структуры повседневности (жилище, пища, одежда) и норм обычного права заложили основу для последующих этнографических и исторических исследований. Эти материалы сохранили уникальные сведения о трансформации северокавказского социума после Кавказской войны. С другой стороны, статья аргументированно доказывает сильную тенденциозность и субъективность автора, особенно рельефно проявившуюся в его конфликтных отношениях с Шамилем. Использование оценочных клише («дикие народы»), намеренная дискредитация имама и контекстуальное искажение фактов (вплоть до неточного цитирования Корана) свидетельствуют о жесткой официально-охранительной позиции П.-П.Г. Пржецлавского, обусловленной его служебным статусом и убежденностью в цивилизаторской миссии России. Общий вывод исследования заключается в том, что, несмотря на неизбежную идеологическую ангажированность, работы П.-П.Г. Пржецлавского являются важным историческим документом. Их критический анализ позволяет не только реконструировать различные аспекты жизни народов Дагестана, но и понять механизмы формирования и функционирования имперского знания о Кавказе, что составляет одну из ключевых задач современного научного кавказоведения.

Ключевые слова: кавказоведение; исследовательская традиция; северокавказская историография; П.-П.Г. Пржецлавский; источниковедческий анализ, имам Шамиль, этнография Дагестана, имперская политика России на Кавказе

Для цитирования: Тлепцок Р.А. П.-П.Г. Пржецлавский о народах Северного Кавказа: формирование взглядов и уровень информативности // История, археология и этнография Кавказа. 2026. Т. 22. № 1. С. 186-197. doi.org/10.32653/CH221186-197

© Тлепцок Р.А., 2026

© Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, 2026

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH221186-197>

Research paper

Ruslan A. Tleptsok,
Dr. Sci., Professor
Russian State Agrarian University – Moscow Agricultural Academy
bum102@yandex.ru

P.-P.G. PRZHETSLAVSKY ON THE PEOPLES OF THE NORTHERN CAUCASUS: FORMATION OF VIEWS AND INFORMATIONAL VALUE

Abstract. This article provides a source-critical analysis of the journalistic and ethnographic legacy of P.-P.G. Przhetslavsky, a career military officer whose works serve as a representative historical source on the period of the Northern Caucasus's incorporation into the Russian Imperial system. Based on a comprehensive study of his works, including the essay *Dagestan: Its Manners and Customs* and diary entries from his service as a bailiff to Imam Shamil in Kaluga, the author identifies the dual nature of this legacy. On one hand, the study highlights the significant informative value of Przhetslavsky's writings. His detailed descriptions of administrative structures, economic activities (terrace farming, animal husbandry, and handicrafts), statistical data, elements of daily life (housing, food, clothing), and customary law laid the foundation for subsequent ethnographic and historical research. These materials preserve unique data regarding the transformation of North Caucasian society following the Caucasian War. On the other hand, the article provides a reasoned argument regarding the author's strong bias and subjectivity, which is particularly evident in his contentious relationship with Shamil. The use of evaluative clichés (such as "savage peoples"), the intentional disparagement of the Imam, and the contextual distortion of facts (extending even to inaccurate citations of the Quran) demonstrate Przhetslavsky's rigid, pro-government stance. This perspective was shaped by his official status and his conviction in Russia's "civilizing mission." The study concludes that, despite an inevitable ideological bias, Przhetslavsky's works remain vital historical documents. Their critical analysis allows researchers not only to reconstruct various aspects of life among the peoples of Dagestan but also to understand the mechanisms behind the formation and function of imperial knowledge regarding the Caucasus – a key objective of contemporary Caucasian Studies.

Keywords: Caucasian Studies; research tradition; North Caucasian historiography; P.-P.G. Przhetslavsky; source analysis; Imam Shamil; ethnography of Dagestan; Russian imperial policy in the Caucasus

For citation: Tleptsok R.A. P.-P.G. Przhetslavsky on the peoples of the North Caucasus: the formation of views and the level of information. *History, Archeology and Ethnography of the Caucasus*. 2026. Vol. 22. N. 1. P. 186-197. doi.org/10.32653/CH221186-197

© Tleptsok R.A., 2026

© Daghestan Federal Research Centre of RAS, 2026

Актуальность проблематики исторических источников в современном кавказоведении детерминирована комплексом факторов методологического характера. Ключевым импульсом выступает парадигмальный сдвиг в историческом знании, проявляющийся в поиске новых теоретико-методологических оснований дисциплины, переосмыслении научной истории под влиянием «постмодернистского вызова» и трансформации историографических традиций. Интенсифицируются процессы трансформации концептуальных, предметных и аксиологических оснований исторического исследования, пересматривается его социальный статус и методологический аппарат. Существенным катализатором данной тенденции стало смещение исследовательского фокуса в сторону изучения национальных историй этнических сообществ, не обладавших на протяжении столетий развитой письменной историографической традицией. Современная историографическая парадигма подвергает ревизии дихотомическое противопоставление «магистрального» направления российских исторических изысканий (русская история) и «периферийных» сюжетов (история народов национальных окраин). В данном контексте формируются теоретические предпосылки для преодоления оппозиции «исторические»/«неисторические» народы [1, с. 5–6].

В условиях сложившейся историографической ситуации проблематика выявления, систематизации и введения в научный оборот корпуса исторических источников приобретает особую значимость. На фоне методологического переосмысления статуса источниковедения как специальной исторической дисциплины наблюдается кризисное состояние сложившейся источниковой базы. Отмечается устойчивый дефицит публикаций, ранее не вводившихся в научный оборот источников, обусловленный как объективными лакунами в источниковой базе, так и субъективными факторами их научной рецепции. Вопрос целесообразности критического осмысления корпуса публицистических работ для анализа происходивших трансформаций на Кавказе в результате его инкорпорации в политико-экономическую систему России не праздный, так как благодаря письменной фиксации на страницах журналов многие события северокавказской истории приобрели статичность, избежали забвения и модификации под «напором» субъективных обстоятельств.

Обращение к подобного рода работам позволяет непосредственно вступить «в диалоговые отношения» с историческим прошлым. Во многом именно они способны передать «дух времени», но что крайне редко способны самые пространственные официальные документы. В этом смысле этнографическая публицистика П.-П.Г. Пржецлавского представляет исключительное явление: с одной стороны, это свидетельства, связанные с личной жизнью отдельного человека, позволяющие соприкоснуться с аурой уже утраченного мира, в то время как с другой, запечатлевают множество событий и фактов частной жизни северокавказского социума, углубляя понимание сложного механизма функционирования власти на местах [2; 3; 4; 1, с. 159–209; 5].

Научная работа П.-П.Г. Пржецлавского сочеталась с военной деятельностью и гражданской службой, а центральную область его интересов составлял Кавказ, изучению которого он посвятил вторую половину жизни. К сожалению, жизнь и деятельность автора, его научный вклад в изучение этнографии Кавказа не стал еще предметом специального исследования. В рамках данной работы делается попытка хоть отчасти восполнить этот пробел. При обращении к подобного рода сочинениям особый смысл приобретает личность автора. Павел-Платон Гилярович Пржецлавский – военный, исследователь-краевед, занимавшийся изучением быта и нравов народов Кавказа, происходил из дворян Гродненской губернии (предположительно, из литовских татар, по другим данным имел польские корни), после окончания Гродненской гимназии поступил на военную службу в июле 1838 г. унтер-офицером в егерский генерал-фельдмаршала князя Кутузова-Смоленского Псковский полк. Во время службы на Кавказе с 1844 г. в чине прапорщика он, освоив некоторые местные языки и проявив административные способности, с 1849 г. занимал должность Ленкоранского участкового заседателя, впоследствии став полковым адъютантом Дагестанского конно-иррегулярного полка, расквартированного в селении Дженгутей [6, с. 196]. В 1854 г. П.-П.Г. Пржецлавский был контужен под селом Уркарах и за отличие в сражениях с горцами награжден орденом и даже получил высочайшее благоволение, способствовавшее дальнейшей военной карьере.

Параллельно с военной службой П.-П.Г. Пржецлавский занимался изучением быта и нравов народов Дагестана. В достаточной степени овладев кумыкским и арабским языками, он занимался изучением фольклора, быта и нравов кумыков, писал стихи¹, а также вел систематический сбор

¹ Известно, что текст песни 34-го пехотного Севского полка «Отбитие штурма Малахова кургана» и ее напев были записаны 6 июня 1855 г. участником боя полковником П.-П.Г. Пржецлавским.

этнографических сведений о горных племенах [4, с. 141–192]. По поручению командования им было представлено статистическое описание Среднего отдела Дагестанской области. С августа 1857 г. П.-П.Г. Пржецлавский был прикомандирован помощником к генерал-адъютанту князю Шамхалу Тарковскому, а уже в 1858 г. становится Дербентским уездным начальником и производится в майоры. В последствии занимая должность помощника военного начальника Среднего Дагестана «за особое рвение» получает звание подполковника. Результатом длительной службы на Кавказе стал составленный П.-П.Г. Пржецлавским разговорник для коммуницирования с местным населением, что безусловно бы имело, по его мнению, не только военное, но и этнографическое значение [7]. Сборник представлял собой экземпляр, приготовленный для печати, но несмотря на посвящение работы военному министру Д.А. Милютину (посвящение перечеркнуто карандашом) «Сборник» получил негативное заключение неизвестного рецензента, указавшего на недостатки работы и нерентабельность издания².

23 ноября 1861 г. П.-П. Г. Пржецлавский был назначен приставом (1861–1866 гг.) при военнопленном имаме Шамиле и 1 апреля 1862 г., прибыв в г. Калуга, приступил к исполнению обязанностей пристава Шамиля. В противоположность Д.Н. Богуславскому и А.И. Руновскому³, П.-П.Г. Пржецлавский не произвел на Шамиля благоприятное впечатление. Если предшественники нового пристава находили расположение Шамиля, то с новым приставом отношения изначально приняли характер конфронтации. Имам Шамиль считал, что «новый опекун питает плохо скрываемую ненависть к жителям Кавказа вообще и к горцам Дагестана в частности» [9, с. 164], а П.-П.Г. Пржецлавский был твердо убежден, что Шамиль – опаснейший глава мюридизма, мечтающий бежать обратно на Кавказ и поднять восстание.

Взаимоотношения между имамом Шамилем и П.-П.Г. Пржецлавским, изначально приобретя характер весьма натянутый, имели тенденцию к деградации. Пристав постоянно напоминал Шамилю о его статусе хоть и почетного, но все же военнопленного, ограничивал в чем мог и рассматривал как затаенную крамолу все его высказывания. Подобная поведенческая модель дополнялась желанием П.-П.Г. Пржецлавского использовать свой статус для получения определенной известности в обществе. Так, в Дагестане он получил копию рукописи бывшего секретаря Шамиля Мухаммада-Тахира Карахского «О трех имамах» и даже перевел ее с арабского на русский язык, чтобы издать, заработать денег и приобрести известность⁴. Свой перевод хроники П.-П.Г. Пржецлавский показал Шамилю, рассчитывая, заручившись поддержкой последнего, опубликовать его. Однако Шамиль, проявив интерес к рукописи, захотел ознакомиться с арабским оригиналом, чтобы убедиться в точности перевода, так как подозревал, что пристав искажил многие факты. Отказ пристава показать рукопись Мухаммада-Тахира лишь укрепил недоверие Шамиля, и он отказался подписывать русский перевод текста, аргументировав тем, что не может проверить его истинность. Важным эпизодом в затяжном конфликте стал и отказ Шамиля на просьбу П.-П.Г. Пржецлавского заступиться перед императором за участников польского восстания 1863–1864 гг., после которого отношения с П.-П. Г. Пржецлавским окончательно испортились, а рапорты пристава с этого момента начинают напоминать донесения с линии фронта, где Шамиль изображался «как раненый зверь, готовящийся к последнему броску» [11, с. 84].

В течении всего периода нахождения при Шамиле в Калуге П.-П.Г. Пржецлавский, как и А.И. Руновский, вел дневниковые записи, которые были изданы в «Русской старине» в 1877 г. [5, Т. XX. с. 253–276; с. 471–506. Т. XXI. С. 41–64], и, как сообщает редакция в предисловии, «под пером рассказчика некогда грозный имам Чечни и Дагестана являлся довольно сварливым и слабым старичком» [5, Т. XX. с. 254]. Шамиль из дневников нового пристава предстает совсем иным человеком, чем из описаний Д.Н. Богуславского и А.И. Руновского: «скудным и не умеющим поддерживать кабинетного разговора» [5, с. 256, 491]. Характерно, что именно в это период П.-П.Г. Пржецлавский фиксирует язвительные по своей сути комментарии в дневниковых записях, характеризующие быт Шамиля в г. Калуге. Описывая нахождение имама Шамиля в г. Калуга пристав отмечает, что «тот старался поддержать в своем

2 Отдел рукописей РГБ. Ф. 178. 1. №10751.

3 Дмитрий Николаевич Богуславский (1826–1893) – русский военный деятель, переводчик, корановед, член Военно-учёного комитета Главного штаба, генерал-лейтенант. В 1859 г., являясь старшим адъютантом при дежурном генерале, как знаток арабского языка и «восточных нравов», был назначен ответственным за пребывание и расходы на содержание пленного имама Шамиля, в Москве и Калуге (назначенной имаму местом жительства). Впоследствии они находились в переписке. Аполлон Иванович Руновский (1823–1874) был назначен 9 октября 1859 г. новым приставом при Шамиле. После переселения Шамиля в Калугу прибыл туда и оставался там до конца 1861 г. Автор Записок о Шамиле (1860). См.: [8].

4 И.Н. Захарьин-Якунин упоминает, что пристав при Шамиле Пржецлавский перевел рукопись «о трех имамах» уже в Калуге [10, с. 250].

доме правила строгого «мюридизма»⁵ и «постоянно мечтает о переселении, со всем своим семейством, в пределы Блистательной Порты» [5, Т. XX. с. 259].

Явная тенденциозность, безусловно, вредит дневниковым записям П.-П.Г. Пржецлавского, фиксирующим повседневность имама в калужском доме. При описании любых поступков Шамиля пристав усматривал хитрость и обман, заявляя, что в доме имама «столько фанатизма – сколько его нет ныне во всем Дагестане!» [5, Т. XX. с. 260]. Развивая свой тезис, он указывает, что обман неверных для имама не имеет никакого существенного значения, так как священная книга Коран учит мусульман: «Если вы располагаете какой хитростью, то приводите ее в исполнение» (против неверных) и ссылается на Стих 39-й главы 76-й Корана). «В деле интернационализма, фанатики-мусульмане не уступят иезуитам», – заключает П.-П.Г. Пржецлавский [5, Т. XX. с. 260]. Между тем это подтверждает только крайне тенденциозное отношение к Шамилю автора, так как он нарочно вводит читателя в заблуждение, указывая на стих, существующий только в воображении автора. Сура 76 «аль-Инсан» («Человек») содержит всего 31 стих, а никак не 39 [12, с. 638–640].

В конце 1865 г. для разрешения конфликтной ситуации специально приезжает адъютант военного министра России полковник Брок, но помирить стороны после всего происшедшего было невозможно, и поэтому в декабре 1865 г. должность пристава при Шамиле была упразднена, а П.-П.Г. Пржецлавский продолжил службу на севере, где дослужился до батальонного командира, а затем стал председателем полкового суда и впоследствии членом Московского военно-окружного суда. В 1872 г. был уволен со службы в чине полковника с мундиром и пенсией, но уже в 1877 г., во время новой Русско-турецкой войны, П.-П.Г. Пржецлавский вернулся на Кавказ, став помощником военного губернатора Эрзерумской области.

Немаловажно отметить то обстоятельство, что на протяжении длительного времени П.-П.Г. Пржецлавский был одним из активных корреспондентов центральных российских журналов. Различные материалы по истории народов Кавказа публиковались им в «Русской старине», «Военном сборнике», газете «Кавказ», «Вестнике Европы» и др. За работу «Описание Среднего Дагестана» в 1864 г. Императорским русским географическим обществом он был награжден серебряной медалью [1, с. 640]. Публикуемые П.-П.Г. Пржецлавским работы по истории, фольклору, этнографии народов Кавказа стали значимым вкладом в процесс изучения Кавказа, наметившийся в периодической печати после окончания Кавказской войны.

Таким образом, на процесс формирования научных взглядов П.-П.Г. Пржецлавского значительное влияние оказала военная карьера, что явственно прослеживается в его определении характера войны на Кавказе, восприятии особенностей быта его жителей, личности Шамиля. При анализе публикаций П.-П.Г. Пржецлавского обращает внимание на себя то, что определенная часть материалов носит явный тенденциозный характер, трактовка действительности велась в них с жестких позиций и отражала крайнюю точку зрения на происходившее.

Особое место среди работ П.-П.Г. Пржецлавского занимает исследование «Дагестан, его нравы и обычаи», опубликованное в журнале «Вестник Европы» в 1867 г. Прежде всего, необходимо отметить, что оно носило во многом нарративный, а не аналитический характер: для аргументации своих положений автор зачастую привлекал мнения, считавшиеся им авторитетными, оставаясь при этом как бы «в стороне». В наблюдениях за нравами и обычаями жителей Дагестана П.-П.Г. Пржецлавский ограничивается одним Средним Дагестаном – местностью, с которой он был знаком, когда занимал там административную должность по военному управлению краем. Так в работе детально описано административное устройство Среднего Дагестана и указывается крайняя лингвистическая фрагментация региона. «Господствующие наречия следующие: в Кази-Кумухском округе — аварское, за исключением селений Шали и Ярчу: в первом жители говорят наречием кази-кумыкским, а в последнем существует особое наречие, нигде, кроме этого селения, неупотребляемое. В Гунибском округе наречие аварское; Гидатлинского же наибства в обществе ахвахском — ахвахское, и в сел. Мегеу, Чохского наибства, есть особое наречие, несколько похожее на акушинское, употребляемое в Даргинском округе северного Дагестана. В Андийском округе: андийское и чеченское; в Аварском: аварское, за исключением обществ,

5 Мюридизм («послушничество»; от араб. мюрид – последователь), условный термин, появившийся в русской литературе во 2-й половине XIX в., для названия национально-освободительного движения горцев Северного Кавказа в 20–60-х гг. XIX в. – одно из направлений в суфизме. В российской исторической литературе термин традиционно ассоциируется с мюридским движением, которое в 20–50-х годах XIX в. охватило значительную часть Кавказа и обострило Кавказскую войну. Мюридизм существует до настоящего времени во многих странах.

называемых Караляль и Багаляль, говорящих ахвахским наречием. Впрочем, зная кумыхский язык, можно разговаривать не только по всему Дагестану и во всех мусульманских провинциях на Кавказе» [4, с. 159–160].

Центральное место в этногеографической панораме Дагестана автор отводит местным жителям, в контексте чего знаковой проблемой становится определение численности населения. Общую численность населения в среднем Дагестане на 1865 г. П.-П.Г. Пржецлавский определяет приблизительно в 175 тысяч человек, проживавших в 370 аулах [4, с. 160]. Эти данные расходятся с данными Р.Ф. Розена, который насчитывал только в трех владениях 180 тысяч человек на 1830 г. [13, с. 233–247]. По заслуживающим доверия сведениям генерала А.В. Комарова, основанным на материалах Главного штаба Кавказской армии, в Дагестанской области на 1866 г. насчитывалось 449534 душ обоего пола [14, с. 45]. Работа содержит статистические данные и по среднему Дагестану – 80015 душ, однако охватывает лишь два округа, в следствие, как пишет генерал А.В. Комаров, затруднения подсчета, вызванного территориальными изменениями в рамках проводимой административной реформы региона [14, с. 39–41]. Определенное расхождение статистических данных можно объяснить ходом Кавказской войны и значительной миграцией населения. Согласно «Своду статистических данных о населении Закавказского края, извлеченных из посемейных списков 1886 г.» в Дагестанской области было 122,385 домохозяйств и 592,780 жителей [15, с. 448–455, 448], что вполне согласуется с данными П.-П.Г. Пржецлавского и А.В. Комарова, отражающих историческую действительность.

Обращает на себя внимание тот факт, что автор неоднократно обращается к проблеме вмещающего ландшафта⁶ горцев, раскрывая различные ее составляющие. Так оценивая качество земель, он отмечает, что «произрастание трав и всходы посевов изобильны, – почва земли плодородна» [4, с. 166]. Проблему он видел в том, что «посевных мест немного: произрастание хлебов и трав особенно хорошо только на низменностях в ущельях и на покатосях гор, обращенных к северу. «Южные склоны – песчаные и неплодородные, впрочем, – замечает П.-П.Г. Пржецлавский, – земледелие при урожае, без неблагоприятных случайностей, удовлетворяет местным потребностям» [4, с. 166]. Из набора возделываемых культур в среднем Дагестане им указывалась «пшеница, магар (нечто среднее между пшеницей и рожью), ячмень, овес и просо. Из огородных овощей: огурцы, дыни, арбузы, тыква, морковь, лук, чеснок, бобы, фасоль и кукуруза; из плодов: яблоки, груши, сливы, абрикосы, персики, грецкие орехи, шелковица, виноград» [4, с. 166].

Характеризуя мир фауны региона, им отмечалась ограниченность животного разнообразия гор, представленного дикими курами (кехлихъ) и массовыми набегами на населенные пункты волков и шакалов в зимнее время [4, с. 166]. На фоне относительно бедной фауны флористика региона была представлена яркой и разнообразной палитрой. Так, П.-П.Г. Пржецлавский указывает на «такое изобилие ореховых деревьев, что жители рубят их без сожаления... вследствие чего, в Дагестане нет другой мебели, кроме ореховой» [4, с. 190], а в верхней части Гуниба произрастала «в большом количестве красная ромашка (*piretrum roseum*), из которой готовится порошок, уничтожающий блох, мух и отравляющий даже ядовитых насекомых: фалангу и скорпионов» [4, с. 166].

Важное значение в работе П.-П.Г. Пржецлавский отводит анализу природно-климатических условий и возможности хозяйственного освоения края. Неоднократно возвращаясь к сюжетам вмещающего ландшафта, он соглашается с мнением генерал-майора Лазарева, что «во всей Чечне и Дагестане нет здоровее, живописнее и богаче землею места, как Тадъ-Буртинская возвышенность. Произрастание хлебов и трав так изобильно, что содержание жителями окрестных селений большого количества скота, даже в редких случаях неурожая, не представляет никакого затруднения; порода овец и мясо их отлично хороши, а молока, овечьего сыру и коровьего масла, прекрасного приготовления и качества – избыток. Вода в родниках чистая, вкусная и здоровая. Лесов в окрестностях Тадъ-Бурты достаточно, так что, при экономическом употреблении, в топливе никогда не может быть недостатка, даже при увеличении народонаселения» [4, с. 167].

С природно-географическим фактором П.-П.Г. Пржецлавский напрямую связывает и основные параметры структуры повседневной топографии горцев. Так, в пространстве поселения им выделяются

⁶ Термин «вмещающий ландшафт» был введен Л.Н. Гумилёвым в рамках его теории этногенеза. Рассматривая соотношение этнических образований с той территорией, где они размещаются, Л.Н. Гумилев подчеркивает, «что каждый этнос представляет собой оригинальную форму адаптации человека в биоценозе ландшафта», и называет такой ландшафт не только вмещающим, но и кормящим ландшафтом. Более подробно: [16].

места для торговли, питания, транспортные артерии (реки, улицы, дороги), рабочие зоны, места получения питьевой воды (реки, водоемы, колодцы) и иные системы жизнеобеспечения. «Все вообще селения в Дагестане построены тесно, – отмечает автор, – большей частью на возвышенных местах, или на отлогостях гор, имея вид амфитеатра. У каждого более зажиточного поселянина есть особый хутор (махи), в котором он зимой содержит рогатый скот, заготавливая для него, в свое время, корм. Хутора эти обыкновенно располагаются по ущельям вблизи речек, родников и покосов» [4, с. 160].

Характеризуя виды и способы постройки жилых строений П.-П.Г. Пржецлавский указывает на их идентичность в целом по Дагестану, «с тою только разве разницей, что они, будучи без наружной штукатурки, имеют вид развалин, почерневших от времени и атмосферических влияний. Дом прилеплен к дому; вместо окошек – маленькие отверстия, а двери... низки» [4, с. 160]. Интересно выглядит фиксация монотонности мира повседневности горских селений региона, для П.-П.Г. Пржецлавского это невыносимое «спокойствие внутри селения ... наводящее тоску». Автор связывает это с памятью «о шамилевском шариаате..., из-за которого... вы не услышите ни веселой песни, ни звучных зурмы и барабана» [4, с. 160].

Оценивая инфраструктурные трудности местности П.-П.Г. Пржецлавский указывает, что «дороги в среднем Дагестане были ужасны, а колесных дорог вовсе не было». В населенных пунктах «улицы узкие и грязные, едва дающие возможность проехать одной повозке». Подобная ситуация, безусловно, затрудняла передвижение и дополнялась опасным ландшафтом, где «все перевозки производились на вьючных лошадях и на ишаках, привыкших везти вьюк по опасным тропинкам, имевшим очень крутые спуски и подъёмы, проложенным зигзагами по каменистой отвесной горы, у подошвы которой, сажень 50 вниз, бушует река» [4, с. 201–202].

Подобные логистические препятствия усиливались необходимостью оплаты проезда по дорогам и мостам, «прилегающим к чужим покосам и пастбищам». «Жители, занимающиеся овцеводством, при перегоне своей баранты через дороги, вносят хозяину их, за прогон или за ночлег, определенную дань: баранами, ягнятами (ирк), маслом, или сыром» [4, с. 201–202]. С вхождением региона в состав России начинается массовое привлечение местного населения для улучшения местной логистики и дорожной сети. Так, «жители среднего Дагестана, добровольно, за умеренную плату, способствовали устройству мостов и проселочных дорог». Подобное рвение П.-П.Г. Пржецлавский связывает с пониманием важности улучшения логистики и «расчётом, что одна арба, с тяжестью 25 пудов, заменит им 8 ишаков» [4, с. 201].

Главное занятие горцев Дагестана, по свидетельству исследователя, состояло в обустройстве нагорных площадок, которые орошались искусно проводимой вверх из рек и родников водой и давали хороший урожай. Действительно, описываемое П.-П.Г. Пржецлавским террасное земледелие в Дагестане получило название Чохские террасы – по названию села Чох, расположенного рядом в Сулакском каньоне. «Площадки эти делаются следующим образом: параллельно к отлогой горе, выстраивается, возможно, длинная каменная на глине стена, вышиной от одной до двух сажень и шириной в 1/2 сажени; затем пространство, до уровня стены засыпанное землей, взятою с той же горы и утрамбованной, образует площадь. Несколько подобных площадок, на одной горе уступами устроенных, имеют вид ступеней лестницы» [4, с. 190].

Внутренняя торговля, по свидетельству П.-П.Г. Пржецлавского, «в среднем Дагестане незначительна; она состоит в сбыте: хлеба, масла, овечьего сыру (пиндыр), фруктов, кож и оружия» [4, с. 189]. Для торговых и меновых операций существовали базары, самыми значительными из которых были «в Казии-Кумухе (где собирается нередко до 4,000 человек), в Чохе и Согратле». Попытка учредить базары на Гунибе и в Хунзахе не вызвала много охотников – посетителей. Однако развитие дорожной сети и «пример евреев – туземцев, приходящих с красным товаром из Мехтулы и Шамхальства, – утверждает П.-П.Г. Пржецлавский, – возбудил и в горах охоту заняться подобным же промыслом. Получив беспрепятственно отпуска в г. Кубу, Дербент и даже Шемаху, они привозят оттуда: ситец, нанку, бязь, бумажные одеяла, платки, шелковые сырцовые одеяла, и продают их односельцам и соседям, получая за провоз с рубля 25%» [4, с. 191].

Характеризуя развитие кустарных промыслов в регионе, автор отмечает селения, славящиеся своими изделиями: «Гунибского округа, селения: Аракань и Унцукуль – выделкой холодного оружия и трубок деревянных, изящно украшенных металлической насечкой; сел. Чох и Согратль – серебряных вещей и оправой оружия в серебро под чернью (там есть даже часовой мастер-самоучка); селение

Салты – сыромятных кож и сафьянов из овечьих шкур; селение Рутджа – седельных орчаков; селения Андийского округа – выделкой бурок; и, наконец, Аварского округа, Боголяль – выделкой азиатских сукон из верблюжьей и овечьей шерсти, преимущественно белого и желтовато-светлого цвета» [4, с. 189].

Значительное внимание в рамках описания быта горцев сфокусировано на характеристике системы питания жителей региона. Отмечая наличие религиозного фактора, структурирующего пищу и не допускающего употребление свинины, П.-П.Г. Пржецлавский указывает, что «мясо скотины и птицы, зарезанной рукой христианина, мусульмане не едят, считая его пищей нечистой и запрещенной Кораном (харам)...мясо тех же самых животных, зарезанных мусульманином... с соблюдением обряда, чтобы голова убиваемого животного была обращена к Мекке, считается пищей дозволенной (халяль)» [4, с. 199–200]. В целом оценивая повседневный рацион горцев, автор свидетельствует, что они «большой частью довольствуются сухой пищей – кусочком сыра или курдючного сала и лепешкой из кукурузной муки (мучари) или, что уже роскошь – из пшеничной, – служат для варения пищи: стебли от кукурузы, бурьян, комок засушенного навоза и даже саман (мякина). Лишь в исключительные дни, для приготовления хинкала – клецек из пшеничной муки на воде с курдючим салом и чесноком – потребуется хозяйке одно другое поленце дров – только!» [4, с. 193].

Обращение внимания на проблему наличия топлива не случайно, так как отсутствие нужного количества дров сказывалось на структуре питания горцев. Вполне заслуживает доверия утверждение П.-П.Г. Пржецлавского об осязательном недостатке топлива в среднем Дагестане. «Доставка дров, на коммерческом праве, обходится непомерно дорого: ни один подрядчик, даже в настоящее время, при существовании еще в край скудных лесов, – утверждает автор сочинения, – не согласится доставлять их дешевле 30 руб. сор. за сажень». Для местного населения, вблизи которого нет лесов и кустарников, топливом служили кизяки, а для высокогорных селений источником тепла был кустарник и тощая сосна, растущая на склонах гор. Подобное положение дел вызывало трудности и для российской армии, особенно в холодное время года, так как где «туземец с ишаком вскарабкивался свободно... добывание там дров для войск и управление было сопряжено с трудом и опасностью» [4, с. 192–193].

Трагично выглядит фиксация огромного количества нищих обоюбого пола, возникших после покорения Дагестана, особенно в Гунибском и Аварском округах. По свидетельству П.-П.Г. Пржецлавского, их «было множество; вдовы и сироты, мужья и отцы которых пали в прежних против войск наших делах, или были казнены наибами, увеличивали их число. Некоторые из них, почти умирая от голода, вымаливали у солдат наших кусок черного хлеба, или сухаря!» [4, с. 200]. Пик голода пришелся на 1859–1860 гг., что инициировало «срочную помощь, оказанную правительством бедным жителям среднего Дагестана выдачей им 2,000 четвертей ржаной муки». Наряду с этим предпринимался целый набор действий, направленных на стабилизацию продовольственной ситуации в регионе. Были привлечены значительные средства, направленные на «произведенную жителями перевозку провианта для войск, содержание, отпускаемое милиционерам, сформированным из местного населения и, наконец, щедрая плата за малейшую услугу», что постепенно «дало горцам возможность мало по малу поправиться и привести в порядок свои расстроенные дела» [4, с. 200].

Вызывает исследовательский интерес и оценка состояния религиозного вопроса и культовых обрядов Дагестана. «Кладбища (зирятляр) устроены таким образом, что они или примыкают к селениям или находятся внутри их. Над могилами усопших обыкновенно ставится надгробный камень с надписью имени умершего, года его смерти и изречения из Корана, или просто без надписи. Над могилами убитых на газавате (священной войне с неверными), около надгробного камня развешиваются небольшие, разных цветов, значки, иногда с деревянной куклой птицы на вершине древка... Если кладбище находится на горе, имеющей перпендикулярно-отвесный обрыв, образующий стену, то умершие хоронятся как бы в катакомбах, в два этажа» [4, с. 173]. Характерно подтверждение П.-П.Г. Пржецлавского об отсутствии «войны с исторической памятью» – память умерших независимо от религиозной принадлежности пользуется у горцев большим уважением. «Доказательством может служить то, что, по соседству их кладбищ, вы часто увидите деревянные кресты, поставленные на могилах русских солдат. Кресты эти стоят неприкосновенно, обращенные лицом к памятникам правоверных мусульман!» [4, с. 204–205].

Неоднократно в работе П.-П.Г. Пржецлавский обращается к образу женщины горянки. Костюм горской женщины, отличаясь от костюма женщин проживающих на равнине, состоял из «рубахи ниже колен, большей частью полотняной, или бумажной, сшитой экономически, в 2 1/2 полотнища,

с круглыми в одно полотнище рукавами, закрывающими всю руку... головной платок полотняный, или коленкоровый, квадратный более сажени, носится, в виде покрывала... шаровары – узкие из пунцово-набойки панталоны, на нитяном очкуре; а в замен архалука привязывается, за спиной, что-то в роде одеяльца из ситца на вате, длиной до колен и шириной в пол-аршина» [4, с. 170]. Головной убор, то есть «собственно повязка волос, идентична везде за исключением селения Ругджи, в котором женщины имеют бритые головы, – отмечает П.-П.Г. Пржецлавский, – и селения Куппы, где женщины носят кокошники, украшенные серебряной старинной монетой. Жителей обоих этих селений – мусульмане считают потомками евреев» [4, с. 170].

Автор обращает внимание на специфическую особенность одежды женщин региона, с которой ему удалось столкнуться не раз: вываренные специально в бараньем жиру женские рубашки. Объяснение подобной практики горских женщин заключалось в бытовом стереотипе: «чем богаче хозяйка, тем сальнее должно быть ее платье! ... Если у хозяйки платье будет чистое и белое, то злые языки, пожалуй, скажут, что она никогда не видит в глаза ни мяса, ни курдючного сала!» [4, с. 169]. На фоне подобных описаний, П.-П.Г. Пржецлавский свидетельствует о том, что «неопрятность и неуклюжесть наряда превратили прекрасный пол – в черных, или, правильнее сказать, грязных мумий, а усиленные труды – в преждевременных старух, так что нет возможности определить, в чем именно состоит красота здешних женщин» [4, с. 169–170].

Характеризуя тяжелый мир женской повседневности, автор отмечает, что «трудные работы по хозяйству исполняются женщинами и ишаками; вы увидите повсюду навьюченного дровами, сеном, или зерновым хлебом ишака, а рядом с ним, с такой же ношей – женщину-горянку! Подрядчики по перевозке казенного провианта для войск, расположенных в крае, определяют вес тяжести на одного ишака в 3 пуда; подобные же тяжести здешние женщины, для заработка 40–60 копеек серебром, переносят на своей спине за 30 верст, по гористым, едва проходимым тропинкам!» [4, с. 173]. Использование женского труда принимало зачатую весьма экзотические формы. Так «пересылка корреспонденции, на первых порах после покорения Дагестана, до учреждения правильного сообщения, имела весьма оригинальный характер ... горцы зачастую заставляли своих жен играть роль почтальонов; можно часто было видеть женщину, путешествующую с пакетом, воткнутым в оконечность расщепленной палочки!» [4, с. 179].

Значимое место в работе отведено описанию праздничной культуры и свадебных обрядов горцев Дагестана. «Брачные союзы заключаются: или словесно, при свидетелях, или же поверенным от жениха или его родителя; при чем составляется письменное условие, контракта (Никах), который, впрочем, редко здесь имеет место. Вся церемония брачной сделки состоит обыкновенно в том, что родители невесты и жениха, собравшись вместе и пригласив почетных свидетелей, объявляют: первые о желании выдать, а последние о согласии принять в свое семейство избранную женихом невесту, причем приводится в известность обоюдный взнос приданого (кибинь-хакъ), и затем, без особенных затей, невеста переходит во власть жениха» [4, с. 177]. «Национальные песни, прославляющие военные дела и любовь, лезгины всегда поют вдвоем: оба – высоким, крикливым альтом, нагнувшись, – свидетельствует П.-П.Г. Пржецлавский, – друг к другу почти к самому уху и прикрывая наружную сторону щеки ладонью, как бы желая, чтобы выходящие из гортани голоса слились в одно целое созвучие. Большая часть песен поется речитативом. Слушатели, за каждым куплетом поощряют певцов прикрикиванием в мотив песни: «Хай, хаай!» и, по окончании пения, непременно благодарят певцов фразой: «Аи барракяла котчакхляр!» то есть, «Ай, да спасибо, молодцы!» [4, с. 161–162].

Необходимо отметить и еще один пласт свидетельств П.-П.Г. Пржецлавского, в которых рельефно проявилась специфика региона, его предрассудки и суеверия. Так автор описывает способ борьбы с бесплодием у женщин Дагестана: «туземные знахарки отвозят их на старое кладбище и, после совершения намаза, делают там над ними какие-то нашептывания и ощупывания, потом, возвратившись домой, сажают на несколько часов своих пациенток на решетчатый табурет, под которым в жаровне (мангале) курятся разные травы» [4, с. 207]. Еще более пикантным выглядит свидетельство о том, что жители селения Гергебиль, переселенные на новое место, но прежде «слышавшие красавицами, с перемещением в Улли потеряли свою красу, – ныне, возвращаясь на старое пепелище, они надеются восстановить и прежнюю свою славу. Горцы веруют, что в тех селениях, около которых протекает река с песчаными берегами, народ бывает красивый» [4, с. 201].

Во многом подобные сюжеты аккумулировались представлениями о действенности чудесных свойств камней и животных, «описанной в популярной в среде мусульман Дагестана арабской книге под заглавием: «Харидатуль-эджаибъ», то есть, сумка чудесного, – свидетельствует П.-П.Г. Пржецлавский, – в которой, между прочим, описываются целебные свойства, заключающиеся в камнях, деревьях и разных животных» [4, с. 207]. Автор имеет ввиду известную работу «Харидат аль-Аджаиб ва фаридат аль-Гараиб» («Жемчужина чудес и уникальность странных вещей») арабского географа Абу Хафс Зейна ад-Дина Умара ибн аль-Музаффара ибн аль-Варди, (араб.: عمر ابن مظفر ابن الوردى), известного как Ибн аль-Варди, написанную в 1419 г. Действительно, произведение представляет собой географический трактат с разделом по естественной истории и содержит главы с материалом о свойствах и пользе камней, растениях, животных и птиц [17, с. 65–69].

В результате проведенного источниковедческого анализа можно констатировать, что работа П.-П.Г. Пржецлавского «Дагестан, его нравы и обычаи» представляет собой репрезентативный пример аналитической публицистики второй половины XIX в., характеризующейся синтезом документальной основы и субъективной авторской рефлексии. Данное произведение демонстрирует характерный для эпохи парадигмальный подход, где доминирующей функцией выступает не столько объективная фиксация этнографических реалий, сколько их ценностная интерпретация в контексте имперской идеологии. Методологический анализ структуры текста выявляет присущую художественно-публицистическим жанрам амбивалентность, проявляющуюся в диалектическом единстве фактографической точности и элементов литературной образности. Эта особенность детерминирует формирование специфического дискурса, в котором эмпирические наблюдения подвергаются трансформации через призму общественно-политических воззрений и эмоциональных реакций автора, порожденных центральным событием северокавказской истории – Кавказской войной.

Понятно, что, учитывая «остроту» проблематики, оценки войны в работе автора коррелировались с эмоционально-ценностными характеристиками. Сомнительного свойства оценочные клише («дикие народы», «туземцы», «отсталые народы»), сложившиеся в умах людей, зачастую не имевших ни малейшего представления о многовековом культурном опыте народов, применялись на протяжении многих десятилетий. Серьезного внимания требует динамичное состояние понятийно-категориального аппарата, кодирующего изменения в истории народов Северного Кавказа и массовом сознании российского общества. В частности, даже такие, казалось бы, нейтральные дефиниции как «горец», «кавказец» по-разному интерпретировались в прошлом и используются современными авторами. Еще более сложно определиться с содержанием понятий, перегруженных коннотациями: «дикие народы», «отсталые народы», «хищники» и т.п. [18, р. 196–197]

Анализ нарративов П.-П.Г. Пржецлавского позволяет выявить механизмы формирования имперского дискурса о народах Кавказа. Использование семиотически маркированных понятий с негативной коннотацией функционировало как инструмент идеологического конструирования, активизирующий в массовом сознании российского социума устойчивые когнитивные схемы восприятия образа «кавказца». Этот процесс реализовывался через систему бинарных оппозиций «цивилизация/варварство», где оценочные клише («дикие народы», «отсталые народы») выполняли не только дескриптивную, но и нормативную функцию, легитимируя колониальную политику. Парадоксальным образом, именно благодаря фиксации в пространстве периодической печати, эти нарративы сохранили ценность как исторические источники. Публикации в журналах, обладая свойствами документальных систем, обеспечили реификацию событийного ряда северокавказской истории, предотвратив их растворение в поле субъективных интерпретаций. Хронотопическая определенность этих текстов позволяет реконструировать не только фактологическую канву, но и дискурсивные практики эпохи.

Источниковедческий анализ подобных материалов требует применения многоуровневой методологии, включающей дискурс-анализ для деконструкции идеологических оснований; герменевтический подход для выявления имплицитных смыслов; компаративный метод для верификации данных и, наконец, контекстуальный анализ для реконструкции исторического фона. Таким образом, нарративы П.-П.Г. Пржецлавского представляют собой сложный объект исследования, где тенденциозность авторской позиции не отменяет, но усложняет их источниковедческую ценность, требуя от современного исследователя владения инструментарием критической интерпретации и понимания механизмов формирования исторических дискурсов.

Рассуждая о значимости субъективного взгляда, необходимо отметить его способность к открытию новых исследовательских возможностей для понимания многих событий изучаемого периода российской истории. Более того, подобный подход мог бы стать импульсом для проникновения в смежные области исторического познания (история ментальностей, историческая антропология, историческая психология и даже историческая психиатрия). Многие «великие, ценнейшие исторические прозрения, как считает Ф. Анкерсмит, всегда уходят корнями в непреднамеренные, бессознательные мемуары историков» [19, с. 391]. Размышляя над работами П.-П.Г. Пржецлавского можно добавить – и не историков, а многих людей, бывших участниками и свидетелями происходивших событий! Именно они позволяют вывести ранее незамеченные факты из тумана прошлого, более того, закрепить понимание значимой роли субъективности в репрезентации прошлого.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Шеуджен Э.А. Предисловие // Процесс инкорпорации Кавказа в Российскую империю. Извлечения из «Вестника Европы» (1802–1918 гг.) / Введение, подгот. текстов и коммент. Р. А. Тлепцок; ред. и авт. предисл. Э. А. Шеуджен. М.: Издательство социально-гуманитарные знания, 2010. – 680 с.
2. Пржецлавский П. Несколько слов о военном и гражданском устройстве Чечни и Дагестана во время правления имама Шамиля // Кавказ. Тифлис, 1863. № 62–64.
3. Пржецлавский П. Воспоминание о блокаде города Дербента в 1831 году. (Из воспоминаний очевидца) // Военный сборник. 1864. № 2.
4. Пржецлавский П. Дагестан, его нравы и обычаи // Процесс инкорпорации Кавказа в российскую империю. Извлечения из «Вестника Европы» (1802–1918 гг.). С. 159–209.
5. Шамиль в Калуге. Записки полковника П. Г. Пржецлавского // Русская старина. 1877–1878. Т. XX. С. 253–276; С. 471–506. Т. XXI. С. 41–64.
6. Басханов М.К. Пржецлавский Павел-Платон Гиляревич // Русские военные востоковеды до 1917 года. Биобиблиографический словарь. М., 2005. С. 109.
7. Пржецлавский П.Г. Сборник русско-татарских разговоров для незнающих арабского письма, с присовокуплением полного словаря и необходимейших грамматических правил, объясняющих обороты простонародной речи на Аддорбиджанском и Кумыкском наречиях, общепонимаемых на Кавказе [Рукопись]: [автограф] / составлен состоящим по армейской кавалерии подполковником П.Г. Пржецлавским. 1862 года. Гуниб. – [Б. м.], 1858. – 268 с.
8. Руновский А.И. Записки о Шамиле пристава при военнопленном. Санкт-Петербург: тип. К. Вульфа, 1860. – 204 с.
9. Гаджиев Б.И. Шамиль. От Гимр до Медины. Махачкала: Даг. кн. изд-во, 1992. – 175 с.
10. Захарьин И.Н. Встречи и воспоминания: из лит. и воен. мира. СПб.: М.В. Пирожков, 1903. – 369 с.
11. Казиев Ш.М. Имам Шамиль. М., 2001.
12. Коран. Перевод смыслов и комментарии / Пер. с араб. и комментарии Э. Кулиев. М., 2005.
13. Розен Р.Ф. Описание Чечни и Дагестана 1830 г. // Материалы по истории Дагестана и Чечни. Махачкала, 1940. Т. III. Ч. I. 1804–1839.
14. Комаров А.В. Народонаселение Дагестанской области // Записки Кавказского отдела Императорского русского географического общества. Тифлис, 1873. Кн. 8.
15. Свод статистических данных о населении Закавказского края, извлеченных из посемейных списков 1886 г. Тифлис: Тип. И. Мартиросянца, 1893.

REFERENCES

1. Sheudzhen EA. Preface. *The process of incorporation of the Caucasus into the Russian Empire. Extracts from "Vestnik Evropy" (1802–1918), introduction, preparation of texts and comments by R.A. Tleptsok; ed. by E.A. Sheudzhen.* Moscow: Socio-humanitarian Knowledge Publishing House, 2010. (In Russ)
2. Przhetslavsky P. A few words about the military and civil structure of Chechnya and Dagestan during the reign of Imam Shamil. *Kavkaz*. Tiflis, 1863; 62–64. (In Russ)
3. Przhetslavsky P. Memory of the blockade of the city of Derbent in 1831 (From the memories of an eyewitness). *Voennyi Sbornik*. 1864; 2. (In Russ)
4. Przhetslavsky P. Dagestan, its morals and customs. *The process of incorporation of the Caucasus into the Russian Empire. Extracts from "Vestnik Evropy" (1802–1918)*. 2010: 159–209. (In Russ)
5. Shamil in Kaluga. Notes of Colonel P.G. Przhetslavsky. *Russkaya Starina*. 1877–1878; 20: 253–276, 471–506; 21: 41–64. (In Russ)
6. Baskhanov MK. Przhetslavsky Pavel-Platon Gilyarevich. *Russian military orientologists before 1917. Bio-bibliographical dictionary*. Moscow, 2005: 109. (In Russ)
7. Przhetslavsky P.G. *Collection of Russian-Tatar conversations for those who do not know Arabic script, with the addition of a complete dictionary and the most necessary grammatical rules explaining the turns of common speech in the Azerbaijani and Kumyk dialects, commonly understood in the Caucasus [Manuscript]*. Gunib, 1862. (In Russ)
8. Runovsky AI. *Notes on Shamil by a bailiff under a prisoner of war*. Saint-Petersburg: Typography of K. Wulf, 1860. (In Russ)
9. Gadzhiev BI. *Shamil. From Gimry to Medina*. Makhachkala: Dagestan Book Publishing House, 1992. (In Russ)
10. Zakharyin IN. *Meetings and memories: from the literary and military world*. Saint-Petersburg: M.V. Pirozhkov, 1903. (In Russ)
11. Kaziev ShM. *Imam Shamil*. Moscow, 2001.
12. *The Quran. Translation of meanings and comments, transl. from Arabic and comments by E. Kuliev*. Moscow, 2005. (In Russ)
13. Rosen RF. Description of Chechnya and Dagestan in 1830. *Materials on the history of Dagestan and Chechnya*. Vol. III. Pt. I. 1804–1839. Makhachkala, 1940. (In Russ)
14. Komarov AV. Population of the Dagestan region. *Notes of the Caucasian department of the Imperial Russian Geographical Society*. Tiflis, 1873; 8. (In Russ)
15. *Summary of statistical data on the population of the Transcaucasian region, extracted from the family lists of 1886*.

16. Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. Л.: Гидрометеоздат, 1990. 528 с.
17. Ибрагимов А.В. Произведение Ибн Аль-Варди «Харидат аль-аджаиб и фаридат аль-гараиб» // Eurasian Journal of Philology Science and Education, 131(1). С. 65–69.
18. Tleptsok R., Sheudzhen E. The Circassians (Adyghe): The Symbolic Meaning of the Caucasus Mountains // Fashion through History: Costumes, Symbols, Communication. Cambridge Scholars Publishing. 2017. Volume 1. P. 196-197.
19. Анкерсмит, Франклин Рудольф. Возвышенный исторический опыт / пер. с англ.: Олейников А. А. и др.; науч. ред. – А. А. Олейников. М.: Европа, 2007. – 609 с.
- Tiflis: Typography of I. Martirosiyants, 1893. (In Russ)
16. Gumilev LN. *Ethnogenesis and the biosphere of the Earth*. Leningrad: Gidrometeoizdat, 1990. (In Russ)
17. Ibragimov A.V. The work of Ibn al-Wardi “Kharidat al-Aja'ib wa Faridat al-Gara'ib.” *Eurasian Journal of Philology, Science and Education*. 2018; 131(1): 65-69. (In Russ)
18. Tleptsok R., Sheudzhen E. The Circassians (Adyghe): the symbolic meaning of the Caucasus Mountains. *Fashion through History: Costumes, Symbols, Communication*. Cambridge Scholars Publishing, 2017; 1: 196-197.
19. Ankersmit F.R. *Sublime historical experience*, transl. from English; ed. by A.A. Oleynikov. Moscow: Evropa, 2007. (In Russ)

Поступила в редакцию 08.10.2025
Принята в печать 11.11.2025
Опубликована 15.03.2026

Recieved 08.10.2025
Accepted 11.11.2025
Published 15.03.2026